

РАЗДЕЛ I ИССЛЕДОВАНИЯ

БИБЛЕИСТИКА И ГЕРМЕНЕВТИКА

УДК 22.06

И. А. Беляев

РАЗВИТИЕ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ ГЕРМЕНЕВТИКИ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ: ПЕРИОД ДРЕВНЕХРИСТИАНСКОЙ И РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ЭКЗЕГЕЗЫ (II в. – НАЧАЛО VII в.). ЧАСТЬ II

Продолжение. Начало в вып. 2 (39) 2026

Аннотация: В статье рассматривается завершающий этап формирования святоотеческой герменевтической системы. Целью исследования выступает анализ синтеза александрийской и антиохийской традиций в трудах представителей Каппадокийской школы (прежде всего святителя Василия Великого) и его завершения в созерцательной герменевтике преподобного Максима Исповедника. С использованием теологических, исторических и текстологических инструментов раскрывается становление многоуровневой системы толкования – от буквального до аналогического, – а также введение тропологического и мистико-созерцательного аспектов. Доказывается, что именно герменевтическая система преподобного Максима Исповедника, органично соединившая многоплановость толкования с христологическим богословием и аскетико-мистическим опытом Церкви, является вершиной раннехристианской герменевтической традиции, тогда как предшествующие изыскания носят по отношению к ней подготовительный характер. Делается вывод о значении святоотеческой методологии для современного богословского и литургического комментария к церковнославянским и греческим богослужебным текстам.

Ключевые слова: Библейская герменевтика, святоотеческое наследие, Каппадокийская школа, святитель Василий Великий, преподобный Максим Исповедник, тропологический метод, аналогический метод, духовное созерцание, символическое богословие, систематизация.

Сведения об авторе: Беляев Иван Андреевич, аспирант Сретенской духовной академии (Россия, Москва). E-mail: uvan.b1999@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-8113-3572>.

Цитирование: Беляев И. А. Развитие и систематизация методологии герменевтики библийских текстов: период древнехристианской и ранневизантийской экзегезы (II в. – начало VII в.). Часть II // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2026. Вып. 3 (40). С. 10–27.

Поступила в редакцию: 15.07.2026. Принята к публикации: 15.09.2026.

Введение. В первой части исследования¹ был рассмотрен начальный этап становления методологии библейской герменевтики. Было показано, что христианская экзегеза, опираясь на античный текстологический фундамент, заложенный Аристотелем, развивалась далее в двух классических школах. Александрийская традиция в лице Филона Александрийского, Оригена и др. разработала аллегорический метод и трёхуровневую модель смысла (буквальный, нравственный, духовный), соотнесённую с трихотомией человеческой природы. Антиохийская школа, представленная в первую очередь святителем Иоанном Златоустом, противопоставила ей историко-грамматический метод, основанный на контекстуальном и филологическом анализе при сохранении возможности духовного толкования. К концу IV века в христианской экзегезе сложились, таким образом, два полюса герменевтической методологии.

Настоящая вторая часть исследования посвящена завершающему этапу – синтезу этих традиций в каппадокийском богословии и его вершине в созерцательной герменевтике преподобного Максима Исповедника. Принципиально важно подчеркнуть: именно опыт преподобного Максима, в котором многоуровневое толкование органично соединяется с христологическим богословием и аскетико-мистическим опытом Церкви, представляет собой кульминацию раннехристианской герменевтической традиции. Предшествующие же изыскания – античный, александрийский, антиохийский и даже каппадокийский – носят преимущественно подготовительный характер, последовательно подготавливая её богословские и методологические предпосылки.

Следующей ступенью развития методологии герменевтики становится IV век, характеризующийся активной деятельностью другой не менее известной богословской школы – Каппадокийской². И хотя деятельность отцов-каппадокийцев нельзя сравнить с формой школы в понимании этого слова относительно Александрийской и Антиохийской школ, всё же ход развития герменевтической мысли трёх великих святителей данного направления стал важной вехой в методологии интерпретации библейских текстов.

Наибольший вклад в становление герменевтического метода описываемого периода внёс **святитель Василий Великий** (около 330–379).

¹Беляев И. А. Развитие и систематизация методологии герменевтики библейских текстов: период древнехристианской и ранневизантийской экзегезы (II в. – начало VII в.). Часть I // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2026. Вып. 2 (39). С. 11–27.

²Каппадокийская школа // Православная энциклопедия. Т. 30. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2012. С. 565.

Его подход к пониманию библейского текста заключается в попытке синтеза двух вышеописанных направлений – буквального и аллегорического.

Каппадокийский святитель полагает, что понимание всех уровней знания Писания возможно лишь при комбинации духовного и буквального, богословского и филологического, мистического и профанного аспектов. Так, в отличие от Оригена, святитель Василий стремится очистить толкование от чрезмерного аллегоризма и вернуть внимание к реальной, сотворённой Богом природе и её значению для богословского осмысления процесса творения. В то же время святой указывает и на важность аллегорий и τῶν τύπων (образов), буквально-историческое толкование которых может исказить первоначальные богооткровенные смыслы³.

Святитель также подчёркивает, что слова Писания богодухновенные и точные, а значит, требуют бережного отношения и уважения к буквальному смыслу. При этом буквально толкование никогда не исключает глубинного смысла, ведущего к познанию Бога: «В тех случаях, когда при толковании Писания возникают затруднения, святитель советует стараться увидеть целостную картину (ὁλόκληρος περικόπη): то, что неясно в одном месте, может быть объяснено посредством другого»⁴.

Анализируя экзегезу святителя, можно выделить три этапа его интерпретационного опыта.

Ранний период

Характеризуется тяготением к Александрийской школе и герменевтической методологии Оригена. В первую очередь это, естественно, связано с осознанием наследия самого александрийского богослова, влияние которого на каппадокийцев было обусловлено живым преданием: через прямого ученика Оригена – святителя Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского, второй половины III века⁵.

Доподлинно известно, что в 358 году святителями Василием Великим и Григорием Богословом была составлена «Филокалия», иначе «Добротолюбие Оригена», – сборник избранных отрывков из трудов этого

³Василий Великий // Православная энциклопедия. Т. 7. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2004. С. 148.

⁴Герман (Лытус), иером., Варфоломей (Денисов), игумен. Методы толкования Священного Писания Ветхого Завета у святителя Василия Великого // Труды Саратовской православной духовной семинарии: Сборник. Саратов, 2019. Вып. 13. С. 70–71.

⁵Иероним Стридонский, блж. Книга о знаменитых мужах // Творения блаженного Иеронима Стридонского: в 17 томах. Т. 5. Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1879. С. 323–324.

автора⁶. Помимо богословских мнений Оригена, труд содержал изложение и обоснование его аллегорической теории⁷.

Именно идеи разделения буквального и духовного/мистического уровней смыслов Священного Писания нашли своё отражение в беседах на псалмы святителя Василия. Вслед за Оригеном он различает эти подходы интерпретации: «Кто принимает закон не чувственно (μὴ σωματικῶς), но разумеет духовный (τὸ πνευματικόν) его смысл, тот поёт песнь новую»⁸. В другом месте он называет их «историческим» и «более высоким» разумениями⁹.

Творчество периода Шестоднева

В монументальном экзегетическом труде «Беседы на шесть дней творения» святителя Василия Великого наблюдаются изменения метода интерпретации библейских текстов под влиянием антиохийской экзегетической школы, в первую очередь епископа Диодора Тарсийского второй половины IV века¹⁰.

При этом стоит отметить, что переход на буквальный вариант толкования Бытия в первую очередь связан не столько с изменением парадигмы мышления святителя, сколько со смыслом и значениями самого священного текста. Именно в «Беседах на Шестоднев» каппадокийский архиепископ указывает на недостаточность или даже определённую несообразность: «Известны мне правила иносказания (νόμοι ἀλληγορίας), хотя не сам я изобрёл их, но нашёл в сочинениях других»¹¹.

Примечательны и эти слова святителя: «Я, когда слышу о траве, траву и разумею; также растение, рыбу, зверя и скот, всё, как оно называется, так его и принимаю»¹². То есть святитель Василий Великий применяет буквальное толкование именно к тем вещам и той созданной Богом материи,

⁶ Добротолюбие // Православная энциклопедия. Т. 15. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007. С. 491–492.

⁷ Junod É. Basile de Césarée et Grégoire de Nazianze sont-ils les compilateurs de la Philocalie d'Origène?: (Réexamen de la Lettre 115 de Grégoire) // Andia Y. de, e. a. Méorial Dom Jean Gribomont (1920–1986). 1988. S. 352.

⁸ Василий Великий, свт. Беседы на псалмы // Василий Великий, свт. Творения: в 2 т. Т. 1. М.: Сибирская благовонница, 2008. С. 518.

⁹ Там же. С. 496–497.

¹⁰ Иероним Стридонский, блж. Книга о знаменитых мужах. С. 340.

¹¹ Василий Великий, свт. Беседы на Шестоднев // Василий Великий, свт. Творения: в 2 т. Т. 1. М.: Сибирская благовонница, 2008. С. 419.

¹² Там же. С. 419.

к которым контекстуально в аллегорическом толковании Библия на этапе ветхозаветного откровения не видит смысла, поскольку подобным образом оно будет раскрыто уже в Новом, с приходом в мир Самого Господа, открывающего для подготовленных тайные смыслы этих событий.

Следовательно, в Шестодневе святитель использует буквальный метод в случае, когда он «оказывается адекватным для выражения духовных реальностей, признавая при этом ограниченность человеческих средств к постижению истины»¹³.

В то же время Ἑξαήμερος изобилует дидактическими аллегориями. Как утверждает С. С. Аверинцев: «Дидактическая „сверхзадача“ космологических рассуждений особенно отчётливо и откровенно выступает в популярной литературе „Шестоднево“, то есть проповедей о сотворении мира». Пытаясь объяснить процесс творения вселенной, святитель Василий Великий уподобляет его «жёсткой симметрии образов ранневизантийского имперского искусства, повинующихся эстетике придворного церемониала и военного парада»¹⁴. То есть он с целью научить непросвещённых сознательно использует знакомые им бытовые мирские образы.

Таким образом, разрабатывая герменевтику библейских текстов данного периода, святитель Василий Великий приходит к пониманию важного принципа, который можно сформулировать посредством аллюзии на слова богодухновенного Павла. Святитель воспроизводит противопоставление апостолом Павлом буквы и духа (*Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит* (2 Кор. 3:6)), понимая под буквой священный текст, а под духом – Святой Дух. Всё же, несмотря на видимую конфронтацию методов понимания Писания, буква и Дух текста для святителя неразделимы.

Нравственный период

В процессе создания Шестоднева святитель Василий Великий приходит к ещё одному важному для методологии герменевтики заключению. Во второй гоимии на Бытийный процесс творения мира он пишет: «Впрочем, поскольку у Праведного Судии назначены немаловажные награды и за одно преднамерение исполнить должное, то не обленится заняться

¹³Giet S. Introduction // Basile de Césarée. Homélies sur l'Hexaéméron. Paris: Éditions du Cerf, 1968. S. 32.

¹⁴Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб. : Азбука-классика, 2004. С. 93.

исследованием. Ибо, хотя не постигнем достоинства предметов, однако же, если при помощи Духа не уклонимся от намерения Писания, то и сами, конечно, не будем признаны ни к чему негодными»¹⁵.

А в другом произведении – «Слове о подвижничестве», он указывает: «Из сего тщательнее вникнувший в каждое слово точнее может узнать намерение (βούλημα) Божественного Писания, то есть, что оно не позволяет нам, чтобы душа каждого из нас, будучи поползновенна ко греху, вводила себя в заблуждение какими-то обманчивыми мнениями, думая, что иные грехи наказываются, а иные оставляются без наказания»¹⁶.

Из вышеуказанных цитат святого становится ясно, что третий путь интерпретации священных текстов для него соотносится с прообразовательным толкованием, или иначе тропологическим (от греч. ὁ τρόπος – «нрав, характер»¹⁷) методом. Его цель заключается в толковании реально-го повествования Священного Писания в качестве нравственных ориентиров/образцов/примеров в повседневной жизни христианина.

Яркой иллюстрацией подобного осмысления текста становятся слова святителя: «Сам Господь дал порядок Своим заповедям, определив, что заповедь о любви к Богу есть первая и большая, вторая же по порядку и подобная первой, лучше же сказать, служащая дополнением ей и от ней зависящая, есть заповедь о любви к ближним... и из других подобных мест, находящихся в богодухновенных Писаниях, можно узнать порядок и последовательность всех заповедей Господних»¹⁸.

Толкование соединяет богословие и космологию: каждое слово Бытия раскрывает не только акт творения, но и его нравственное значение – порядок, гармонию и благоустроенность как характерную черту всего Божественного творения (в том числе и венца – человека). Отсюда понимание естества ведёт к познанию Бога и, следовательно, упорядочению человеческой души.

Несомненно, тропологический метод связан с аллегорическим, всё же святитель Василий Великий осознанно противопоставляет себя Оригену, считая, что аллегоризация, если она отрывается от исторического

¹⁵ *Василий Великий, свт. Беседы на Шестоднев... С. 335.*

¹⁶ *Василий Великий, свт. О подвижничестве // Василий Великий, свт. Творения: в 2 т. Т. 2. М. : Сибирская благовонница, 2009. С. 109.*

¹⁷ *Liddell H. G., Scott. R. Greek-English Lexicon. S. 1582.*

¹⁸ *Василий Великий, свт. Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах // Василий Великий, свт. Творения: в 2 т. Т. 2. М. : Сибирская благовонница, 2009. С. 155.*

смысла, ведёт к утрате веры в реальность Божиих дел. А без неё невозможно и духовное самосозидание человека. В «Беседах на псалмы» экзегет указывает: «Посему не довольно к нашему извинению того, что не учёны мы полезному по книгам, когда и не по незаученному закону природы можем избирать, что служит к нашей пользе»¹⁹.

С помощью Писания проверяются и все учения: «Слушатели, поставленные в Писании, должны испытывать, что говорят учителя, и согласное с Писаниями принимать, а несогласное отметить и держащихся таковых учений ещё более отвращаться»²⁰. Для святителя Василия Великого в контексте тропологического толкования Священное Писание становится не только источником всякого Откровения, но и мерилom духовно-нравственного состояния человека.

Таким образом, каппадокийский архиепископ вырабатывает концепцию педагогики слова как метода. В творениях святителя проступает принцип постепенного откровения смысла: разумение Писания углубляется по мере того, как очищается сердце и просветляется ум²¹. Такое понимание близко оригеновскому учению о духовном смысле, однако у Василия Великого оно мыслится как совместное Богочеловеческое действие – усвоение подаваемых Духом откровений по мере духовного возрастания человека.

Этот подход святителя Василия Великого послужил образцом для позднейших отцов и толкователей – святителей Григория Нисского и Григория Паламы, преподобного Максима Исповедника, развивших его мысль о духовной природе Слова Божия.

И если в области герменевтики Григорий Нисский во многом близок своему брату²², а годы деятельности Григория Паламы лежат уже за пределами рассматриваемого периода, то преподобный Максим Исповедник предлагает принципиально иной подход к толкованию Писания, и его наследием завершается раннехристианская богословско-герменевтическая традиция.

Преподобный Максим Исповедник (около 580–662) принадлежит к числу самых значительных богословов и духовных писателей ранне-

¹⁹ *Василий Великий, свт. Беседы на Шестоднев...* С. 423.

²⁰ *Василий Великий, свт. Нравственные правила // Василий Великий, свт. Творения: в 2 т. Т. 2. М. : Сибирская благовонница, 2009. С. 90.*

²¹ Там же. С. 19, 21, 25–26.

²² Григорий Нисский // Православная энциклопедия: сайт. URL: <https://www.pravenc.ru/text/166529.html> (дата обращения: 11.10.2025).

византийской эпохи; его наследие во многом определило дальнейшее развитие православного богословия, философии и библейской герменевтики.

Круг его сочинений охватывает темы догматико-богословские, духовно-аскетические и экзегетические²³. Богословие и духовный опыт у преподобного Максима неразделимы: умозрительную мысль он соединяет с аскетическим реализмом и мистическим созерцанием²⁴. Это соединение богословской точности, опыта подвига и мистико-символического видения и ставит преподобного Максима в центр завершающего этапа раннехристианской герменевтики.

Как уже отмечалось, облик раннехристианской экзегезы определили прежде всего две школы толкования Библии: Александрийская, склонная к аллегорезе, и Антиохийская, державшаяся буквально-исторического прочтения Писания.

Наследуя александрийскую традицию, преподобный Максим Исповедник не просто усвоил её начала, но и заметно их развил, выстроив самостоятельную герменевтическую систему, где многоплановость толкования естественно срастается с аскетико-мистическим опытом Церкви.

Исследователи полагают, для его экзегезы характерны иносказательность и многозначность, что резко контрастирует с буквалистской методикой антиохийских толкователей. При этом герменевтический подход святителя не является произвольным аллегоризмом, он укоренён в святоотеческой традиции и христологической догматике²⁵.

Герменевтическая система преподобного Максима строится на христологическом фундаменте. Подобно тому, как во Христе нераздельно и неслиянно соединены две природы – Божественная и человеческая, – Священное Писание имеет двойственную структуру²⁶: внешнюю букву

²³Максим Исповедник // Православная энциклопедия: сайт. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2561638.html> (дата обращения: 15.10.2025).

²⁴Доброцветов П. К. Священное Писание как предмет созерцания у преподобного Максима Исповедника // Сборник материалов I и II Богословских научных конференций, проходивших в МДА. Сергиев Посад, 2007. Вып. 1. С. 62.

²⁵Там же. С. 62.

²⁶Коман К., свящ. Герменевтические предпосылки в труде «Ответы Фалассию» св. Максима Исповедника. Вклад в православную библейскую герменевтику // XV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: [Материалы]: в двух томах. Т. 1. М. : Издательство ПСТГУ, 2005. С. 27.

(древнегреч. τὸ σῶμα²⁷) и внутренний Дух (древнегреч. τὸ πνεῦμα²⁸). «Ибо, действительно, как человек смертен по своей видимой части, а по невидимой бессмертен, так и Священное Писание обладает, с одной стороны, преходящей явленностью буквы, а с другой – содержит сокрытый в ней дух, бытие которого непреходяще и который составляет истинный предмет созерцания»²⁹, – пишет преподобный.

Эта аналогия между антропологией и герменевтикой не случайна. Для преподобного Божественное Откровение воплощается в различных сферах бытия: в мире – через Божественные οἱ λόγοι (логосы-смыслы) творения, в человеке – через ὁ νοῦς (ум) как образ Божий, в Писании – через символично-словесную структуру богооткровенного текста³⁰.

Таким образом, герменевтика становится частью общего процесса богопознания и обожения.

Ключевым в методологии преподобного Максима Исповедника оказывается понятие ἡ θεωρία – духовного созерцания, которое возводит ум от чувственного к умопостигаемому, от буквы к Духу³¹. Сам термин раньше вводят в оборот антиохийские богословы, в частности святитель Иоанн Златоуст³²; и хотя по методу преподобный Максим условно тяготеет к противоположной школе, выстраиваемая им концепция отвечает его собственным герменевтическим установкам.

Созерцание для преподобного – не рассудочная процедура и не историко-грамматический разбор, а мистико-аскетический опыт, предполагающий очищение от страстей и молитвенный труд: «Чем больше отступает буква Его (Священного Писания. – И. Б.), тем более преобладает дух»³³. При этом он отмечает и динамический характер духовного восхождения.

По мысли преподобного Максима Исповедника, подлинное понимание Писания даётся в восхождении от славы к славе (*Мы же все, открытым*

²⁷ Liddell H. G., Scott. R. Greek-English Lexicon. S. 1519.

²⁸ Ibid. S. 1231.

²⁹ Максим Исповедник, преп. Мистагогия // Избранные творения преподобного Максима Исповедника. М. : Паломникъ, 2004. С. 227.

³⁰ Доброцветов П. К. Священное Писание... С. 63.

³¹ Там же. С. 64.

³² См.: Сидоров А. И., Нестерова О. Е., Балаховская А. С., Никифорова А. Ю. Раннехристианская и византийская экзегетика. С. 189–195; Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford : The Clarendon Press, 1961. S. 648–649.

³³ Максим Исповедник, преп. Мистагогия... С. 228.

лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа (2 Кор 3:18)) и есть постепенное преображение очищенного от страстей ума. Здесь герменевтика неразрывно связана с духовной практикой: текст «читается» не столько интеллектом, сколько преображённым умом, способным к богословскому созерцанию.

Такая пастырско-воспитательная герменевтика породила в Православии традицию духовного чтения, при котором текст постигается не только умом, но и сердцем, то есть как на физическом, так и духовном уровнях. Библия становится не объектом анализа, а живым словом Духа, обращённым к конкретному человеку на определённом этапе его духовного пути.

Одной из наиболее характерных черт экзегетического метода преподобного Максима Исповедника является полисемия (от греч. ἡ πολυσημία – «многозначность»³⁴). Святой признаёт множественность смыслов Священного Писания. Он нередко предлагает сразу несколько различных толкований одного и того же текста, исходя из убеждения: «По причине благодати каждая, даже случайная, буква Божественного Писания может быть постигнута многоразличным образом для пользы добывающихся добродетели и ведения»³⁵.

Многозначность не является произволом толкователя, а отражает неисчерпаемость Божественной премудрости, заключённой в тексте. Писание, подобно многогранному кристаллу, раскрывает различные аспекты единой истины в зависимости от духовного состояния читателя и контекста рассмотрения.

Важно отметить, что преподобный Максим Исповедник не изобретал принцип множественности смыслов Писания – он восходит к Александрийской школе и раннехристианской экзегетике³⁶. Однако именно преподобный придал этому принципу отчётливую форму и богословское обоснование: его учение о структурной аналогии между Христом, человеком и Писанием легло в основу многопланового толкования³⁷.

³⁴ Полисемия // Большая российская энциклопедия. Т. 26. М.: БРЭ, 2014. С. 681.

³⁵ Максим Исповедник, преп. Вопросы к Фалассию. М.: Сибирская Благовонница, 2021. С. 198.

³⁶ Ориген // Православная энциклопедия: сайт. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2581523.html> (дата обращения: 11.10.2025).

³⁷ Доброцветов П. К. Священное Писание... С. 69.

Особое место в системе преподобного Максима занимает мысль о том, что духовный смысл не упраздняет буквальный, а преобразует его и доводит до полноты. Благодаря этому экзегезе удаётся обойти и буквалистский редукционизм антиохийцев, и крайности аллегоризма.

К уровням буквально-историческому, аллегорическому, типологическому и нравственно-аскетическому преподобный добавляет качественно новый – анагогический (от греч. ἡ ἀναγωγή – «возведение»³⁸), или мистико-созерцательный. Его своеобразие в том, что он возводит ум к прямому богообщению и предвкушению эсхатологической полноты³⁹; на этой ступени библейский текст делается словесной иконой Божественных реальностей.

Преподобный Максим Исповедник старается сохранить равновесие между буквальным и духовным смыслами. Характерно, что наряду с духовными толкованиями он часто приводит и буквальные, демонстрируя гармоничное сосуществование буквального-исторического, типологического и анагогического толкований.

Так, упоминание апостолом Петром трёх скиний (Мф. 17:4) интерпретируется им в «Вопросах и недоумениях» как три ступени богопознания: деятельная (πρακτική), естественная (φυσική) и таинственная (θεολογική), соотносимые с Иисусом, Моисеем и Илиёй⁴⁰. Здесь библейский эпизод разворачивается как парадигма духовного восхождения, которая при этом сохраняет связь с историческим событием: «Переходящие от буквального [смысла] к духовному видят Закон и пророков, которые пребывают со Словом и громким голосом возвещают о Его пришествии. Отчего Пётр упомянул о куцах? Потому что всякое знание и всякая добродетель в сравнении с будущим состоянием ничем не отличаются от недолговечной куцы – по словам Апостола: „пророчества... умолкнут, и знание упразднится“ (1 Кор. 13:8). [Число] куц – три: деятельная, естественная и богословская. Богословскую куцу Пётр уделил Господу, ибо Он Бог, естественное созерцание – Моисею, ибо он написал о создании всего, деятельную же [куцу] – Илии, ибо он девственник, ревнитель и аскет»⁴¹.

Святой Максим Исповедник существенно обогатил христианскую систему мистико-символического богословия, показав, как библейские

³⁸ Liddell H. G., Scott. R. Greek-English Lexicon. S. 95.

³⁹ Доброцветов П. К. Священное Писание... С. 74.

⁴⁰ Фокин А. Р. Концепции «единения», «растворения» и «обожения» в мистике св. Максима Исповедника // Философия религии: аналитические исследования. 2017. Т. 1. № 1. С. 31.

⁴¹ Максим Исповедник, преп. Вопросы и недоумения. М.; Святая гора Афон : Никея, 2010. С. 195.

образы, литургические действия и части тварного мира образуют единую символическую систему Божественного Откровения⁴².

Наиболее ярко принцип толкования видимого символа святой развил в своей «Мистагогии». В этом литургико-мистическом сочинении он рассматривает Литургию как образ и реальность Царства Божия: каждый элемент богослужения имеет духовный смысл и соотносится с космосом, созданной Богом посредством логоса вселенной, человеком и Священным Писанием⁴³.

Для преподобного Максима текст и обряд – это иконы (от греч. $\eta \epsilon \dot{\iota} \kappa \acute{o} \nu$ – «изображение, образ»⁴⁴) невидимого мира, через которые верующий приступает к обожению. Его метод основан на убеждении, что видимое (буква текста, литургический жест) открывает путь к невидимому – духовной реальности⁴⁵.

В контексте Божественной литургии он вводит особую аналогию между Писанием и человеком. Преподобный пишет: «Подобно тому, как в соответствии с возвышенным созерцанием „[старец] называл Церковь духовным человеком, а человека – таинственной Церковью, то также, в соответствии с духовным постижением, он, говоря обо всём Священном Писании, называл Его человеком. А именно, Ветхий Завет составляет тело, а Новый – душу, дух и ум“. И ещё: телом всего Священного Писания, Ветхого и Нового Заветов, служит историческая буквальность Его; душой же – смысл написанного, который и является целью устремлений ума»⁴⁶. Эта антропоморфная модель понимания священных текстов показывает, что человек, согласно Писанию, призван к обожению.

«Мистагогия» демонстрирует универсальность метода понимания символов: принципы, применяемые к библейскому тексту, оказываются действенными и в отношении литургического символизма, поскольку и текст, и обряд являются различными формами Божественного откровения. Эта онтология символов (философское учение о сущности и бытии

⁴²См.: Максим Исповедник, преп. Мистагогия... С. 230–241, 245.

⁴³Епифанович С. Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М. : Мартис, 1996. С. 101.

⁴⁴Liddell H. G., Scott. R. Greek-English Lexicon. S. 416.

⁴⁵Епифанович С. Л. Преподобный Максим Исповедник... С. 101–102.

⁴⁶Максим Исповедник, преп. Мистагогия... С. 227.

символов⁴⁷) имела далекоидущие последствия для византийской культуры, определив понимание Литургии и всей её сакральной системы как форм богооткровения, требующих такого же созерцательного подхода, как и Священное Писание⁴⁸.

Таким образом, герменевтический метод преподобного Максима Исповедника оказывает определяющее влияние на византийскую экзегетическую традицию. Соединив александрийскую аллегорезу с христологическим богословием и аскетико-мистическим опытом Церкви, святитель создаёт самобытную герменевтическую систему – содержательную в богословском отношении и применимую на практике.

Вклад преподобного в библейскую герменевтику можно свести к нескольким положениям:

- приведение в систему и богословское обоснование многопланового толкования;
- органичное соединение экзегезы с подвигом и созерцательной практикой;
- разработка символического богословия, раскрывающего единство разных форм Божественного откровения.

Его терминология, выстроенная система уровней толкования и – что особенно важно – мысль о нерасторжимой связи экзегезы с духовным опытом становятся опорными для современной православной герменевтики⁴⁹.

Особенно ощутимым оказывается воздействие на аскетическую традицию Церкви, где созерцательное чтение Писания является органичной частью умного делания⁵⁰.

Трудами святителя Григория Паламы и других византийских богословов метод преподобного Максима не только закрепился в церковной герменевтике, но и на многие века вперёд задал святоотеческий подход к пониманию Священного Писания.

Заключение. Во второй части исследования изучен завершающий этап становления христианской библейской герменевтики II в. – начала VII в.:

⁴⁷ Захарян Т., Пивоваров Д. Сакральный символ в языке религии. Лондон : Lambert Academic Publishing, 2011. С. 48.

⁴⁸ Шмеман А., протопресв. Введение в литургическое богословие. М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. С. 229–230.

⁴⁹ Епифанович С. Л. Преподобный Максим Исповедник... С. 163.

⁵⁰ Исихазм // Православная энциклопедия : сайт. URL: <https://www.pravenc.ru/text/674926.html> (дата обращения: 28.10.2025).

синтез классических экзегетических традиций в каппадокийском богословии и творениях преподобного Максима Исповедника.

Принципиально значим синтетический подход каппадокийцев: святитель Василий Великий нашёл методологическую середину между буквализмом и аллегоризмом, добавив тропологический уровень толкования и сформулировав принцип педагогики слова. Его представление о том, что смыслы Писания раскрываются постепенно, по мере духовного состояния читателя, стало важным вкладом в святоотеческую герменевтику.

Завершающую ступень святоотеческой древнехристианской и ранневизантийской экзегезы II в. – начала VII в. образуют сочинения преподобного Максима Исповедника, построившего цельную герменевтическую систему на христологическом принципе двуединства буквы и духа текста. Введение аналогического уровня толкования, разработка концепции созерцательного чтения и распространение герменевтических принципов на литургические тексты ознаменовали переход от экзегетики к универсальной богословской герменевтике, охватывающей все формы Божественного откровения.

Сопоставление рассмотренных этапов развития Александрийской, Антиохийской и Каппадокийской школ позволяет утверждать, что именно герменевтическая система преподобного Максима Исповедника, базирующаяся на синтезе выверенного святыми отцами предыдущих периодов экзегетического опыта, является методологической кульминацией раннехристианской герменевтической традиции.

Исследование доказывает: святоотеческая герменевтика представляет собой не архаичную систему произвольных толкований, а последовательно разработанную методологию, соединяющую филологический инструментарий с вероучением Православной Церкви и духовным опытом.

Источники

1. *Василий Великий, свт.* Беседы на псалмы // Василий Великий, свт. Творения: в 2 т. Т. 1. М.: Сибирская благовонница, 2008. С. 461–611.
2. *Василий Великий, свт.* Беседы на Шестоднев // Василий Великий, свт. Творения: в 2 т. Т. 1. М.: Сибирская благовонница, 2008. С. 319–429.
3. *Василий Великий, свт.* Нравственные правила // Василий Великий, свт. Творения: в 2 т. Т. 2. М.: Сибирская благовонница, 2009. С. 19–101.
4. *Василий Великий, свт.* О подвижничестве // Василий Великий, свт. Творения: в 2 т. Т. 2. М.: Сибирская благовонница, 2009. С. 102–148.
5. *Василий Великий, свт.* Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах // Василий Великий, свт. Творения: в 2 т. Т. 2. М.: Сибирская благовонница, 2009. С. 149–222.

6. *Иероним Стридонский, блж.* Книга о знаменитых мужах // Творения блаженного Иеронима Стридонского: в 17 т. Т. 5. Киев : Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1879. С. 283–344.
7. *Максим Исповедник, преп.* Вопросы к Фалассию. М. : Сибирская Благовонница, 2021. 974 с.
8. *Максим Исповедник, преп.* Вопросы и недоумения. М.; Святая гора Афон : Никея, 2010. 483 с.
9. *Максим Исповедник, преп.* Мистагогия // Избранные творения преподобного Максима Исповедника. М. : Паломникъ, 2004. С. 211–250.

Литература

10. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. СПб. : Азбука-классика, 2004. 480 с.
11. *Беляев И. А.* Развитие и систематизация методологии герменевтики библейских текстов: период древнехристианской и ранневизантийской экзегезы (II в. – начало VII в.). Часть I // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2026. Вып. 2 (39). С. 11–27.
12. *Василий Великий* // Православная энциклопедия. Т. 7. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2004. С. 131–191.
13. *Герман (Лытус), иером., Варфоломей (Денисов), игум.* Методы толкования Священного Писания Ветхого Завета у святителя Василия Великого // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2019. Вып. 13. С. 64–81.
14. *Григорий Нисский* // Православная энциклопедия. Т. XII. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2006. С. 480–526.
15. *Добротолюбие* // Православная энциклопедия. Т. XV. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2007. С. 491–512.
16. *Доброцветов П. К.* Священное Писание как предмет созерцания у преподобного Максима Исповедника // Сборник материалов I и II Богословских научных конференций, проходивших в МДА. Сергиев Посад, 2007. Вып. 1. С. 62–75.
17. *Епифанович С. Л.* Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М. : Мартис, 1996. 219 с.
18. *Захарян Т., Пивоваров Д.* Сакральный символ в языке религии. Лондон : Lambert Academic Publishing, 2011. 140 с.
19. *Исихазм* // Православная энциклопедия. Т. XXVII, М. : ЦНЦ «ПЭ», 2011. С. 240–254.
20. *Каппадокийская школа* // Православная энциклопедия. Т. 30. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2012. С. 565–568.
21. *Коман К., свящ.* Герменевтические предпосылки в труде «Ответы Фалассию» св. Максима Исповедника. Вклад в православную библейскую герменевтику // XV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: [Материалы]: в двух томах. Т. 1. М. : Издательство ПСТГУ, 2005. С. 23–29.
22. *Максим Исповедник* // Православная энциклопедия. Т. XLIII. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2016. С. 52–103.
23. *Ориген* // Православная энциклопедия: LIII, М. : ЦНЦ «ПЭ», 2019. С. 175–261.
24. *Сидоров А. И., Нестерова О. Е., Балаховская А. С., Никифорова А. Ю.* Раннехристианская и византийская экзегетика. М. : ИМЛИ РАН, 2008. 245 с.

25. Фокин А. Р. Концепции «единения», «растворения» и «обожения» в мистике св. Максима Исповедника // Философия религии: аналитические исследования. 2017. Т. 1. № 1. С. 30–45.

26. Шмеман А., протопресв. Введение в литургическое богословие. М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. 247 с.

27. Giet S. Introduction // Basile de Césarée. Homélie sur l'Hexaéméron. Paris : Éditions du Cerf, 1968. P. 5–77.

28. Junod É. Basile de Césarée et Grégoire de Nazianze sont-ils les compilateurs de la Philocalie d'Origène?: (Réexamen de la Lettre 115 de Grégoire) // Andia Y. de, e. a. Memorial Dom Jean Gribomont (1920–1986). 1988. P. 349–360.

I. A. Belyaev

DEVELOPMENT AND SYSTEMATIZATION OF THE METHODOLOGY OF BIBLICAL HERMENEUTICS: THE PERIOD OF EARLY CHRISTIAN AND EARLY BYZANTINE EXEGESIS (2nd – EARLY 7th CENTURIES). PART II

Continued. For the beginning, see Issue 2 (39) 2026

Abstract: This article examines the final stage in the formation of the patristic hermeneutic system. The aim of the study is to analyze the synthesis of the Alexandrian and Antiochene traditions in the works of representatives of the Cappadocian school (primarily St. Basil the Great) and its culmination in the contemplative hermeneutics of St. Maximus the Confessor. Using theological, historical, and textual tools, the development of a multi-layered system of interpretation (from literal to anagogical) is revealed, as well as the introduction of tropological and mystical-contemplative aspects. It is argued that the hermeneutical system of St. Maximus the Confessor, which organically combined multifaceted interpretation with Christological theology and the ascetic-mystical experience of the Church, represents the pinnacle of the early Christian hermeneutical tradition, while previous research was preparatory in its development. A conclusion is drawn regarding the significance of patristic methodology for contemporary theological and liturgical commentary on Church Slavonic and Greek liturgical texts.

Key words: biblical hermeneutics, patristic heritage, Cappadocian school, St. Basil the Great, St. Maximus the Confessor, tropological method, anagogical method, spiritual contemplation, symbolic theology, systematization.

About the author: Belyaev Ivan Andreevich, postgraduate student, Sretensky Theological Academy (Russia, Moscow).

Sources

1. *Vasilij Velikij, svt. Besedy na psalmy* // Tvoreniya: v dvukh tomakh. Vol. 1. Moscow : Sibirskaya Blagovonnitsa, 2008. S. 461–611. *In Russian.*
2. *Vasilij Velikij, svt. Besedy na Shestodnev* // Tvoreniya: v dvukh tomakh. Vol. 1. Moscow : Sibirskaya Blagovonnitsa, 2008. S. 319–429. *In Russian.*
3. *Vasilij Velikij, svt. Nravstvennye pravila* // Tvoreniya: v dvukh tomakh. Vol. 2. Moscow : Sibirskaya Blagovonnitsa, 2009. S. 19–101. *In Russian.*
4. *Vasilij Velikij, svt. O podvizhnichestve* // Tvoreniya: v dvukh tomakh. Vol. 2. Moscow : Sibirskaya Blagovonnitsa, 2009. S. 102–148. *In Russian.*
5. *Vasilij Velikij, svt. Pravila, prostranno izlozhennye v voprosakh i otvetakh* // Tvoreniya: v dvukh tomakh. Vol. 2. Moscow : Sibirskaya Blagovonnitsa, 2009. S. 149–222. *In Russian.*
6. *Ieronim Stridonskij, blzh. Kniga o znamenitykh muzhakh* // Tvoreniya blazhennogo Ieronima Stridonskogo: v 17 t. Vol. 5. Kiev : Tipografiya G. T. Korchak-Novitskago, 1879. S. 283–344. *In Russian.*
7. *Maksim Ispovednik, prep. Voprosootvety k Falassiyu.* Moscow : Sibirskaya Blagovonnitsa, 2021. 974 s. *In Russian.*
8. *Maksim Ispovednik, prep. Voprosy i nedoumeniya.* Moscow; Sv. Gora Afon : Nikeya, 2010. 483 s. *In Russian.*
9. *Maksim Ispovednik, prep. Mistagogiya* // Izbrannye tvoreniya prepodobnogo Maksima Ispovednika. Moscow : Palomnik, 2004. S. 211–250. *In Russian.*

References

10. *Averincev S. S. Pojetika rannevizantijskoj literatury.* SPb. : Azbuka-klassika, 2004. 480 s. *In Russian.*
11. *Beljaev I. A. Razvitie i sistematizacija metodologii germenевtiki biblejskih tekstov: period drevnehristsianskoj i rannevizantijskoj jekzegezy (II v. – nachalo VII v.). Ch. I* // Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii. 2026. Vyp. 2 (39). S. 11–27. *In Russian.*
12. *Vasilij Velikij* // Pravoslavnaia jenciklopedija. T. 7. M. : CNC «PJe», 2004. S. 131–191. *In Russian.*
13. *German (Lytus), ierom., Varfolomej (Denisov), igum. Metody tolkovaniia Svjashhennogo Pisanija Vethogo Zaveta u svjatitelja Vasilija Velikogo* // Trudy Saratovskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii. 2019. Vyp. 13. S. 64–81. *In Russian.*
14. *Grigorij Nisskij* // Pravoslavnaia jenciklopedija. T. XII. M. : CNC «PJe», 2006. S. 480–526. *In Russian.*
15. *Dobrotoljubie* // Pravoslavnaia jenciklopedija. T. XV. M. : CNC «PJe», 2007. S. 491–512. *In Russian.*
16. *Dobrocvetov P. K. Svjashhennoe Pisanie kak predmet sozercanija u prepodobnogo Maksima Ispovednika* // Sbornik materialov I i II Bogoslovskih nauchnyh konferencij, prohodivshih v MDA. Sergiev Posad, 2007. Vyp. 1. S. 62–75. *In Russian.*
17. *Epifanovich S. L. Prepodobnyj Maksim Ispovednik i vizantijskoe bogoslovie.* M. : Martis, 1996. 219 s. *In Russian.*
18. *Zaharjan T., Pivovarov D. Sakral'nyj simvol v jazyke religii.* London: Lambert Academic Publishing, 2011. 140 s. *In Russian.*
19. *Isihazm* // Pravoslavnaia jenciklopedija. T. XXVII, M. : CNC «PJe», 2011. S. 240–254. *In Russian.*

20. Kappadokijskaja shkola // Pravoslavnaia jenciklopedija. T. 30. M. : CNC «PJe», 2012. S. 565–568. *In Russian.*
21. Koman K., svjashh. Germenevticheskie predposylki v trude «Otvety Falassiju» sv. Maksima Ispovednika. Vklad v pravoslavnuju biblejskuju germenevtiku // XV Ezhegodnaia bogoslovskaja konferencija Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo humanitarnogo universiteta: [Materialy]: v dvuh tomah. T. 1. M. : Izdatel'stvo PSTGU, 2005. S. 23–29. *In Russian.*
22. Maksim Ispovednik // Pravoslavnaia jenciklopedija. T. XLIII. M. : CNC «PJe», 2016. S. 52–103. *In Russian.*
23. Origen // Pravoslavnaia jenciklopedija: LIII, M. : CNC «PJe», 2019. S. 175–261. *In Russian.*
24. Sidorov A. I., Nesterova O. E., Balahovskaja A. S., Nikiforova A. Ju. Rannehristianskaja i vizantijskaja jekzegetika. M. : IMLI RAN, 2008. 245 s. *In Russian.*
25. Fokin A. R. Konceptii «edinenija», «rastvorenija» i «obozhenija» v mistike sv. Maksima Ispovednika // Filosofija religii: analiticheskie issledovanija. 2017. T. 1. № 1. S. 30–45. *In Russian.*
26. Shmeman A., protopresv. Vvedenie v liturgicheskoe bogoslovie. M. : Krutickoe Patriarshee podvor'e, 1996. 247 s. *In Russian.*
27. Giet S. Introduction // Basile de Césarée. Homélie sur l'Hexaéméron. Paris : Éditions du Cerf, 1968. P. 5–77. *In French.*
28. Junod É. Basile de Césarée et Grégoire de Nazianze sont-ils les compilateurs de la Philocalie d'Origène?: (Réexamen de la Lettre 115 de Grégoire) // Andia Y. de, e. a. Mémorial Dom Jean Gribomont (1920–1986). 1988. P. 349–360. *In French.*